

В 1938 г. И. А. Ильину удалось вырваться в Швейцарию, где он прожил последние 16 лет.

И в философии, и в жизни Ильин был до конца носителем волевой идеи, мыслителем-борцом, активно и жертвенно сражавшимся за дух и свободу, за право и правду, за торжество одухотворенной государственности и христианской культуры. По его мнению, русская религиозная философия должна пересмотреть свое призвание, предмет и метод в свете «всех пережитых блужданий и крушений», возжелав при этом «ясности, честности и жизненности» [1, с. 100].

Исключительно одаренный от природы, Ильин был по своей жизненной деятельности и своим умственным интересам человеком разно- и многосторонним: оратором, лектором, педагогом, публицистом и редактором, ученым-исследователем и искусствоведем; задолго до появления этих терминов он был руссиеведом и советоведом (советологом). Младший современник прославившихся русских религиозных философов, Ильин стал соучастником философского — и вместе с тем религиозного — возрождения, протекавшего в среде русской интеллигенции периода двух русских революций и эмиграции [4].

В предисловии к посмертно изданной программной книге «Путь к очевидности» [1] И. А. Ильин писал: «Прежде всего нам надо сосредоточиться на том, что мы утратили. Человечество попыталось за последние два века создать культуру без веры, без сердца, без созерцания и без совести; и ныне эта культура являет свое бессилие и переживает свое крушение... Человек будущей культуры должен снова возлюбить духовную свободу, предаться живой сердечной доброте, взрастить в себе драгоценное смирение как источник подлинной силы... [1, с. 1—3].

В публикуемой ниже главе «О смирении» [1, с. 118—124] путь духовного обновления человека рассмотрен не только с религиозно-философских, но и с психологических позиций, что способствует выходу из хаоса духовного затмения и обретению утраченной цельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ильин И. А. Путь к очевидности. Мюнхен, 1957.
2. Ильин И. Философия как духовное делание. Предисловие Ю. Лисицы // Моск. журн. 1992. № 4. С. 33.
3. Ильин И. О сопротивлении злу силою. Берлин, 1925, 221 с.
4. Полторацкий Н. И. А. Ильин // Русская религиозно-философская мысль XX в. / Под ред. Н. П. Полторацкого. Питтсбург, 1975. С. 240—250.

канд. биол. наук Н. Крылова,
послушник Евгений Лукьянов

О СМирЕНИИ

Иногда у нас возникает сомнение, можно ли в самом деле требовать смирения от всех людей? Где взять его повседневному человеку, с головой ушедшему в борьбу за существование, с ее заботами, страхами и интригами? Разве смирение не есть добродетель избранных, прошедших путь религиозного очищения? Может быть... Но именно поэтому мы радуемся, когда замечаем в ком-нибудь искру неподдельного смирения; и у нас тотчас же слагается уверенность, что судьба послала нам жизненную встречу с превосходным человеком.

У смирения есть особое свойство — повышать духовную ценность человека.

Если мы видим перед собою какого-нибудь прославленного деятеля (в науке, в искусстве или политике) и замечаем в его манере держаться самомнение, тщеславие или гордость, то мы начинаем охлаждать к нему, наша симпатия гаснет и ценность его умалывается в наших глазах. Это происходит не только потому, что его самопревознесение как бы понижает нас самих и что мы чувствуем себя явно пренебреженными или даже сопричисленными к «ничтожествам». Это было бы понятно: ибо это означало бы, что у нас самих не хватает смирения и что поэтому его апломб кажется нам «невыносимым». Но гораздо важнее то обстоятельство, что его заносчивость умалывает его дух и снижает его ценность.

Это так и есть на самом деле.

Истинному величию причитается простота, доброта, легкость и скромность. И чем более у даровитого человека этих прекрасных и чарующих свойств, тем искреннее обращаются к нему сердца. Это естественно: в глубине души у всех нас живет убеждение, что победитель жизненных трудностей и предметов должен был прежде всего победить самого себя... А скромность и выражает эту победу.

Зато тот, кто считает себя «перлом создания», тот воображает, что осуществил «высшее» и что его творчество «совершенно», тот обнаруживает свою близорукость и ограниченность. И чем горделивее он держится, чем больше его притязание и чем навязчивее он его предъявляет, чем более он доволен собою и чем менее он смотрит вверх и вперед, тем сильнее наше разочарование: мы теряем уважение к нему, он уже не импонирует нам, и у нас делается такое чувство, как если бы мы натолкнулись в нем на маленького и глупого человека, который заслонил нам в нем самом умного, большого и значительного... Какое огорчение!

Напротив: от истинной скромности идет некое духовное благоухание; в ней есть что-то трогательное и пленительное. Может быть, скромный человек не достигнет так скоро «признания» и «славы», как самоуверенный человек, вступающий с апломбом, или как назойливый хвастун, над которым люди посмеиваются и все же поддаются его саморекламе: смотрят на его «фейерверк», знают, какая ему цена, и все-таки незаметно начинают считать его «выдающимся» человеком. Однако фейерверк скоро сгорает и после него остаются только обугленные деревянныешки, сажа и зола, и тут-то лучи скромного человека с их тихим, но подлинным светом начинают обращать на себя общее внимание.

Можно было бы сказать: выдающийся, но заносчивый человек обнаруживает свои пределы и снижает свой рост; небольшой человек с истинным смирением причастен к духовному величию. Гордость разочаровывает и обесценивает. Смирение пробуждает любовь, увеличивает ценность человека и возносит его духовно. Будь непритязателен и терпелив; примиришься с тем, что ты пройдешь в жизни незамеченным; предоставь другим блеснуть и красоваться. Твое время придет тогда, когда начнется настоящее, не личное, а предметное. Может быть, это будет после твоей земной смерти, когда наступит время «жатвы» и когда каждое зернышко будет бережно собрано, и твое зерно будет с любовью принято. Может быть... И вот с этим надо примириться. Надо выносить в себе потребность и волю — быть, а не казаться; и уверенность, что «зерно бытия» больше, чем

призрачное величие; и еще крепкую заботу о том, чтобы действительно вступить в сферу подлинного бытия, сущего перед лицом Божиим. А остальное не существенно...

Тщеславие всегда злоупотребляет пространством человеческого общения для того, чтобы добиться в нем «успеха», «влияния» и «славы», всей этой лестной видимости, и не думает о том, что «успех» есть почти всегда успех у толпы, а у толпы мало духа и еще меньше вкуса. А «влияние»... Как часто оно состоит в том, что «вливающий» прислуживается к людям, гнется во все стороны, чтобы угодить своим влияемым, и кончает тем, что сам оказывается безличным орудием чужих интересов. А «слава» прельщает только тех, кто никогда не заглядывал за ее кулисы и не догадался еще, что она составляет нередко монополию профессиональных «славоделателей». Вот почему человек, приобщившийся к истинному смирению, встречает каждый свой успех желанием проверить, не покривил ли он в чем-нибудь душою для угождения толпе; и на всякое свое «влияние», как только оно обнаруживается, он отвечает повышением чувства ответственности и юмором: юмором, чтобы не впасть в тщеславие и не поверить лести; чувством ответственности, ибо ему необходима уверенность, что он вложит в свои дела свое лучшее. А «славу» свою он встречает с тревогою, ибо незаслуженная слава есть ложь, а заслуженная слава должна быть еще проверена смертью прославившегося... Ибо человеческий приговор суетен; а Божий приговор произносится лишь по смерти.

Итак, тщеславие борется за призрачное, а смирение вводит в царство реальности.

Тщеславный человек совершает три ошибки: во-первых, он принимает самого себя за нечто очень «важное» в жизни; во-вторых, ему кажется, что он чрезвычайно «многого» достиг и очень многое совершил; и, в-третьих, ему хочется, чтобы эти великие «достижения» и «совершения» были повсеместно признаны и превознесены.

Преодоление тщеславия должно начаться с постижения третьей ошибки.

Надо принять во внимание, что сила суждения и компетентность, необходимые для истинного «признания», присущи лишь очень немногим людям; что на свете есть слепое и бестолковое признание, легкомысленное и безответственное восхваление, поддельный и своекорыстный восторг, продажная критика и оплаченный успех. Надо понять, что в современном обществе есть множество тайных союзов — религиозных и национальных, политических партий, полуполитических клубов и даже эротических союзов, члены которых при всяких обстоятельствах поддерживают друг друга, восхваляют и выдвигают «своих» и замалчивают или поносят «чужих». Надо отдать себе отчет в том, что масса следует моде и рекламе, партийным внушениям, закулисным напештам и очень часто верит наемной «клаке», которую в Италии называют «негодьями в желтых перчатках» (*ladri in guanti gialli*). Как много людей, восхваляющих модное, — по расчету, из страха перед общественным мнением или по тщеславию и снобизму!.. И как смутно делается на душе, когда слышишь похвалу из уст безвкусного пошляка, или нигилиста, или заведомого лжеца и злодея: и стыдно, и тревожно, и грустно! Сознание, что мой труд одобрен нечестивцем, что я угодил духовному слепцу или глупцу, что известные плуты восхищаются моим созданием на всех перекрестках, может вызвать в душе настоящее удручение... И тот, кто сообразит и продумает все это, скоро поймет, что только признание зрелого судии, мудрого созерцателя и чистосердечного критика может быть желанным и радостным. А такие люди будут хвалить меня только тогда, когда я сам буду чувствовать, что меня оправдывает моя собственная совесть и что меня укрепляет Божий луч. Вот почему Пушкин был прав, когда советовал поэту не дорожить успехом у толпы и судить себя самого высшим и строгим судом...

Надо рассмотреть «людскую славу», понять ее шаткое и фальшивое естество — и разлюбить ее. Это значит победить тщеславие внешней «популярности». А для этого надо утвердить в самом себе высокий и строгий критерий совести и религиозное чувство ответственности, чтобы затем сказать самому себе: «что мне людская хвала и людское поношение, когда мне светит луч Божий?».

Тогда можно приступить к преодолению второй ошибки тщеславия. А именно: человек должен приучиться к невысокой оценке того, чего он достиг и что он совершил. Если он силен, то пусть не считает себя сильным; если он умен, то он не должен причислять себя к «самоумнейшим» людям; если он порядочный человек, то пусть он не переоценивает свою добродетель; если он даровит, то пусть познает меру своего таланта и не воображает, будто он «велик» и «гениален». Почему? И зачем это нужно?

Тот, кто «достиг и совершил», тот «успокаивается», погружается в самодовольство и прекращает поиски и борьбу. Кто знает «достаточно», тот прекращает изучение и исследование, не углубляет свой дух, останавливается в своем развитии, начинает повторяться и теряет свои богатства. Всеведующий «знаток» дошел до своего предела и начинает отставать. Он забыл главное, именно, что Божий Предмет беспределен во всех отношениях и смыслах и что человек есть лишь скромный ученик этого предмета. Кто достиг «совершенства», для того уже не может быть правил и запретов, и завтра — он разрешит себе все. «Безошибочный» не увидит ни своих слабостей, ни своих ошибок. Высокоумный человек и не подозревает того, что завтра появится сверхумный, который поставит его в положение глупца и повергнет его в смущение и растерянность. А талантливый художник, который вообразит себя гениальным мастером, быстро прекратит свою внутреннюю работу, снизит свою требовательность, утратит драгоценное и воспитывающее недовольство собою и сам не заметит, как создаст завтра ничтожное творение, над которым все будут посмеиваться исподтишка.

Вот почему каждый, кто создаст что-нибудь, не должен подолгу предаваться радостям достижения, но скорее сосредоточиться на недостатках своего создания: он должен повышать свои требования, отыскивать свои промахи, неумения и несовершенства, судить свое творение мерою полною и великою и замышлять лучшее. Надо всегда смотреть вдаль, подобно человеку на башне; надо всегда думать о том, чего мне еще духовно не хватает, подобно скупцу, собирающему богатство; надо постоянно чинить и крепить свои стены, подобно осажденному полководцу. Надо жить не гордостью от совершенного и достигнутого, но смирением при мысли о неудавшемся и еще предстоящем в будущем.

Кто знает пределы своего знания и своих знающих сил, тот останется вечным студентом и станет истинным исследователем. Кто научится видеть свои духовные пределы и болеть о них, тот будет всю жизнь расти. Кто сознает свои слабости и недостатки, тот будет бороться с ними, побеждать их и совершенствоваться. Для лечения необходим верный диагноз, тогда как незамеченные болезни запускаются и становятся хроническими. Словом, настоящий человек вырабатывает культуру своих несовершенств, стараясь не преуменьшать их и не преувеличивать. Это и есть источник истинной скромности, начала самосовершенствования, секрет духовного роста и развития. Тот, кто смотрит вдаль и ввысь, тот увидит Божественное, которого он лишен и о котором он вздыхает; и, когда он затем обращается к совершенному и достигнутому, он стоит смущенный и пристыженный: «Господи, сколь я бессилен и немощен!»... Он всегда чувствует, что ему не хватает Главного; что до истинной высоты ему далеко, как до звезды небесной; что все его наличное достояние есть только начало, только зов и обетование; что гордиться ему нечем и что все у него еще впереди. Надо приучить себя к той «нищете духом», о которой сказано в Евангелии, и найти в себе мужество бедняка, скромность вопрошающего и бодрость ученика.

Тогда остается еще третий шаг: надо переложить центр тяжести в своей жизни и борьбе с себя самого, со своей особы — на предметную стихию бытия, на то, что можно было бы обозначить словами «ткань Божия в мире». Пока человек не имеет жизненной цели и пока он служит только себе самому и своему жизненному «успеху», до тех пор скромность будет казаться ему чем-то странным и ненужным, может быть, даже вредным, а до смирения он не дойдет никогда: желая выдвинуться, он будет предаваться хвастливости, заносчивости и тщеславию и будет думать про себя, что скромность подобает нищим,

а смирение — лицемерам. А между тем скромность начинается там, где человек чувствует над собою нечто Высшее, а смирение возникает в тот миг, когда человек преклоняется перед этим Высшим. Человеку необходимо иметь в жизни нечто такое, что он ценит и любит, чему он служит, как своей главной цели: ей должен быть посвящен его труд, ради нее он сосредотачивает свои силы, за нее он борется, ей он жертвует собою и всем остальным. И тот, кому дано это счастье служения и горения, скоро начинает замечать, что ему все удается тем легче и тем лучше, чем меньше он думает о себе и чем цельнее он отдается предметной стихии своего служения. Нельзя считать себя и свой личный успех важнейшим делом жизни. Надо научиться выходить на Божий простор из жесткой скорлупы своего себялюбия; надо сердцем и волею преодолеть свое одиночество, свой наивный эгоцентризм. Скучна и душна жизнь человека, не знающего ничего о сверхличных богатствах богосозданного мира. И только тот, кто узнает счастье предметной жизни и вложится в Божию ткань мира, только тот почувствует в себе силы Ильи Муромца, дарованные ему его высокими пришельцами: Божие дело станет его личным делом, невозможное сделается для него возможным, а за плечами у него вырастут крылья настоящего вдохновения.

Божие дело требует от нас цельного и беззаветного служения; а мы пребываем в тщете личных дел и растрачиваем на них любовь, силы и время, и всю жизнь; подобно чеховскому торговцу, подсчитываем наши воображаемые «убытки» и мнимые неудачи... Нам все кажется, что жизнь обделила нас, что нам еще что-то «причитается», что наши «справедливые притязания» не удовлетворены и что все у нас в долгу. Человек, предающийся таким настроениям, всю жизнь, подобно раненому животному, зализывает свою незаживающую рану; но в действительности рана эта мнимая и стоит только не думать о ней, чтобы она начала заживать. Такие душевные раны исцеляются только забвением, живой любовью к людям и служением Богу. Человек, неспособный обновить направление и центр своей жизни, останется в плену собственной пошлости, обливая слезами свое непоправимое прошлое и свое горькое настоящее.

Служение Божьему Делу требует от нас преданности и стойкости, и надо предаться ему. Надо отождествить свой личный успех — с его успехом и подчинить свою судьбу — его развитию и росту. Любовь и воля человека должны получить свое содержание и свою цель от этого великого «горного хребта» человеческой истории и таким образом предметно обновиться. Может показаться, что в этом самоотверженном служении человек действительно отказывается от себя и теряет себя; однако на самом деле он впервые обретает самого себя в великой и священной ткани Божией. Он теряет свое человеческое, «слишком человеческое», грешно-страстное естество; но зато находит себя — духовно подлинного, «предметно наполненного», смиренного и достойного слугу Божьего Дела на земле.

Именно в этом смирении он впервые находит и утверждает свое истинное духовное достоинство; не уважение других людей, не «почести» и не «славу», не довольство собою, но главное и основное, человечески духовное достоинство, дающееся тому, кто утвердится и укоренится в Божественном. Там, где водворяется это достоинство, там не бывает гордости. Ибо гордость не от Бога; а достоинство от Бога и ведет к Богу. Гордость не знает о смирении; именно поэтому ей предстоят многие и многие унижения... А настоящее достоинство рождается из смирения и не может быть унижено; и если кто-нибудь пытается унижить его, то он только возвеличивает его и поднимает его на высоту. Смирение ведет к Богу. Достоинство пребывает в Боге. Поэтому Марк Отшельник был прав, советуя «не почитать себя за нечто великое», но беречь свою «нищету духа»; и Ефрем Сирий был мудр, говоря: «превозношение ослепляет умные очи, а смирение просвещает их любовью...»²².

И вот оказывается, что смирение все-таки подобает каждому из нас: и

²²Добротолюбие, I, 516.
²³Добротолюбие, II, 424.

гражданину, и ученому, и художнику, и воину, и пастырю. Каждый может и должен приобщиться ему: найти свое духовное достоинство, вложиться в служение Божьему Делу, полюбить великое и возжелать непреходящего. И если бы кто-нибудь спросил, как легче всего и скорее всего возжечь в себе чувство смирения, то ответ был бы таков: не сравнивать свое «превосходство» с «ничтожеством» других людей, но чаще, как можно чаще, приводить свою «малость» пред лицом Божьего величия, как бы «вычитая» себя из Его совершенства и созерцая обнаруживающуюся «разность»...

От этого в сердце вселяется, как бы само собою, сущее смирение: и оказывается, что мои «долги» так велики, что я не успеваю и добраться до чужих «долгов»: начинается щедрое «прощение» другим и строгое взыскание с самого себя. Тогда честолюбие смутится и смолкнет, и человек поймет, что важнее не то, какой «пост» он занимает в жизни, но то, что и как он творит на этом «посту». Ибо в жизни и в мире надо не фигурировать и не величаться, а трудиться над всеединою и вечною «тканью» Царствия Божия, а в этом служении бывают тихие и незаметные свершения, но не бывает «ничтожных» дел и «унизительных» заданий...

Если бы только люди поняли это и захотели вступить на этот путь!